

А.О. Муртазаев

КАЙТАГСКОЕ УЦМИЙСТВО В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В 20 – НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XVIII В.

Антииранское восстание народов Дагестана и Азербайджана в 1707–1721 гг. фактически привело к ликвидации иранского господства в Кавказском регионе. Используя тяжелое положение сефевидского Ирана, Турция планировала вытеснить Иран с Кавказа и стать полновластным хозяином над этим стратегическим регионом. Россия, окрепшая в ходе петровских преобразований, также стремилась утвердить военно-политическое и экономическое господство над этим регионом, и очень скоро их интересы столкнулись.

Турцией был принят в подданство Хаджи-Дауд, он был утвержден ханом Ширвана с признанием его власти над всем Дагестаном. Официально об этом было объявлено русскому послу Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1722 г. (*Гаджиев В. Г.*, 1965. С. 111). Принятие Хаджи-Дауда в подданство Турции очень обеспокоило Россию. Было решено начать военный поход, официальным предлогом к нему был объявлен инцидент с русскими купцами в Шемахе. Каспийский поход Петра I, называемый также Персидским, Кавказским и Закавказским, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в. (*Фадеев А.В.*, 1961. С. 21; *Сотавов Н.А.*, 1991. С. 55–69; *Гасанов М. Р.*, 1995. С. 9–11; *Касумов Р.М.*, 1999. С. 12).

Прикаспийские области интересовали Петра I как с экономической, так и с военно-стратегической точки зрения. Граничащие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Иран вели между собой многовековую борьбу за установление своего господства в Прикаспии и на Ближнем Востоке. Тем временем, используя сложившуюся ситуацию, Османская империя решила «к себе присовокупить владения Ирана на Кавказе» (*Магомедов М.Г.*, 1997. С. 237). О плане и намерениях Порты хорошо знали русские власти. Поэтому российское правительство не могло допустить утверждения Османской империи на Кавказе.

Вступление войск Петра I в Дагестан было встречено местным населением радушно за некоторым исключением. Однако в сообщении выходца из Грузии Ф. Георгиева, который находился в это время в с. Губден, говорилось, что Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтагский планировали оказать сопротивление императорским войскам и призывали к этому шамхала Тарковского Адиль-Гирея (Из допроса выходца из Грузии Ф. Георгиева...Л. 412). Но никаких действий с их стороны не последовало. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «...следует великое приготовление к войне» (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 413).

6 августа войска Петра I вступили в Тарки, а 16 августа выступили из селения в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом кампании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – писал В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприятных действий уцмия Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского» (*Комаров В. С.*, 1874. С. 14). Подстрекатель Турцией уцмий Ахмед-хан с помощью своего вассала правителя Утамышского организовал нападение на русские войска, но войска горцев были разгромлены (*Алкадари Г.Э.*, 1994. С. 76; Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. 1992. С. 200; Джон Баделен, 1908. Л. 57). Одновременно с

этим уцмий кайтагский Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь, и заручившись поддержкой других владельцев, он вернулся в Кайтаг, а через 4 дня, 23 августа, уцмий направил Петру I прошение о принятии его на «царскую службу». Интересно, что Петр I в своем описании утамышского инцидента даже не упоминает уцмий (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 40).

Пройдя через владения уцмий Кайтагского, 23 августа русские войска под руководством Петра I без боя вступили в Дербент (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 39). Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра отказаться от продолжения похода (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 45). Но кроме этих причин прекращения похода, как отмечает О.П. Маркова, была и другая: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России» (Маркова О.П., 1966. С. 27). Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, в Бойнаке и Тарках, Петр I 7 сентября выступил в Астрахань. По указанию императора на Сулаке была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владельцев и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 267–268).

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Петр I с основными силами отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании России удалось установить контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

Возвращающиеся сухопутным путем вслед за Петром войсковые части оказались в крайне затруднительном положении – они подвергались постоянным атакам, по большей части организованным уцмием Ахмед-ханом, что наносило им существенный урон. В одном из источников говорится, что уцмий и владелец утамышский для нападения на русские войска собрали до 20000 тыс. человек (Из воспоминаний участника похода Петра I... Л. 50).

Не лучше дела обстояли и с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал, что уцмий напал на только что построенную фортецию и увез оттуда пушки (Письмо кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I... Л. 436). Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кули-бека. В послании от 27 сентября 1722 г. говорилось, что уцмий захватил крепость на р. Дарбаге и перебил весь гарнизон. Табасаранский владелец организовал нападение на крепость на р. Рубас (Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел... Л. 134).

Видно, что кроме уцмий участие в нападениях на военные укрепления русских войск принимали и другие дагестанские владельцы. Надо полагать, что тут не обошлось без вмешательства Турции. 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было послано воззвание «...выслать всех магометанцев, какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им... против русских весьма жестоко биться» (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 267–268). Но тогда шамхал остался верен России. Не исключено, что такого рода воззвания получили и другие

владельцы, которые одаривались и обнадеживались поддержкой турецких войск. Имеются сведения о том, что Турция, обеспокоенная продвижением Петра I в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкое наступление и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняются их столь активные действия против русских войск (Магомедов Р.М., 1999. С. 76).

Не проходит и месяца с момента взятия крепости на р. Дарбаге, как Петр I получает новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмий Ахмед-хана, султана Махмуда Утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас (Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова... Л. 123). За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Отряд атамана Краснощекова разбил войска уцмий и разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 45). Но эта акция русских властей не только не остановила уцмий, наоборот подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения с Петром I были испорчены серьезно. Ахмед-хан подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. Вместе с уцмием участие в нападениях на Дербент принимал и Хаджи-Дауд (Лист-перевод дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 239).

Вместе с этим ухудшились отношения уцмий Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем» (уцмий. – Авт.) (Письмо дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 356). Сурхай-хан официально заявил, что желает служить российскому императору и что намерен «искоренять его противников» (Письмо от дербентского наиба Имам-Кули-бека к тайному советнику А.П. Толстому... Л. 241). Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытался использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначает наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. Оказались задетыми честь и достоинство Сурхая и сорванными его планы овладения Ширваном. В их осуществлении он и хотел опереться на Россию. А «искоренением» уцмий он рассчитывал на милость императора и помощь в деле реализации своего плана. Сурхай-хан даже попытался вместе с шамхалом напасть на владение уцмий (Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I... Л. 142).

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владельцами продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление на Закавказье. Дагестанские владельцы, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь шла о разделе Ширвана. В этой связи дербентский наиб Имам-Кули-бек сообщил Петру I, что дагестанские владельцы собрались в Худате с тем, чтобы разделить между собой «ширванскую провинцию» (Письмо генерал-майора Матюшкина... Л. 256; Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I... Л. 154).

Одновременно с этим русские власти получают сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест (Донесение чопан-шамхала генерал-майору Г.С. Кропотову... Л. 459). Тем временем уцмий оставляет Кайтаг и отправляется в Ширван, но вместе с этим он пытается отгородить свое владение от возможных повторных нападений царских войск. Поэтому одновременно он вступает в переговоры с русскими властями о вступлении в российское подданство (Из писем кумыкских владельцев генерал-майору М.А. Матюшкину... Л. 148). Но процесс этот оказывается долгим и тяжелым, на что, по-видимому, и рассчитывал уцмий Ахмед-хан, ведь его цель не

подданство, а безопасность, и пока шли переговоры, опасности нападения не было. При этом он энергично действовал в Ширване. Источники свидетельствуют, что за это время у шамхала и уцмий произошло три сражения с шемахинцами, в которых последние потерпели крупное поражение. В связи с этим шемахинцы оказались вынужденными согласиться на условия победителей – принять наибами в Шемахе сыновей шамхала и уцмий (Письмо... от княгини Ханумы к князю Барятинскому... Л. 467). Но своих детей шамхал и уцмий здесь не оставили, возможно, потому, что в Шемаху прибыл турецкий комендант Алибей.

В это же время русские власти получили известие о том, что дагестанские владетели совершили крупный военный поход в Грузию и Армению: «...тавлинцы и усмийцы и протчих владельцев татара собравшись еще на святой неделе во многих тысячах и пошли де на грузинцев и на армян...», – сказано в источнике (Копии с допросов, вышедших из полону грузинца Осифа... Л. 379). Объяснялось это тем, что российские войска с тяжелыми пушками не могли проходить в горы, тогда как союзники России – грузины и армяне со своими конными отрядами могли «чинить великую обиду». Здесь ясно прослеживаются замыслы дагестанских владетелей. Они готовят крупную военную акцию, направленную против российских войск в Дагестане. Вместе с тем они не забывают обезопасить себя от возможного нападения со стороны союзников России в этом регионе.

Между тем продолжались переговоры уцмий с русскими властями о принятии его в российское подданство, которое уцмий затягивал под различными предложениями. По-видимому, Ахмед-хан учитывал и высадку русских войск в Баку, Сальянах, Реште и русско-иранский договор 1723 г. с ожидаемой передачей России владений Ирана к западу и югу от Каспия, и турецкое наступление 1723 г. в Закавказье. 12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор о разграничении сфер влияния на Кавказе. По условиям договора в российскую зону вошли в районе Дербента все земли на 22 часа езды верхом от берега моря.

Играть на противоречиях противоборствующих сторон у Ахмед-хана вроде не было необходимости. Возможно, его намерение открытого военного выступления вместе с шамхалом и другими силами против России было последней попыткой сохранить свою самостоятельность. Но осторожный Ахмед-хан решил сделать это чужими руками, он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, а когда это случилось, Ахмед-хан вновь не выполнил своего обещания и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамьшским. В пользу этой версии говорят сведения, содержащиеся в трудах И.-Г. Гербера и П.Г. Буткова (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 84; *Бутков П.Г.*, 1869. С. 80).

Как известно, попытка Адиль-Гирея захватить крепость Святой Крест окончилась провалом, его отряды были разбиты, а он сам пленен и выслан в Россию. Вскоре после этого уцмий Кайтага вновь «изъявил покорность» российскому правительству, дал присягу в верности со своими сыновьями и старшинами и представил аманатов в Дербентскую крепость (*Зиссерман А.*, 1881. Ч. I. С. 10). Следует отметить, что кубачинцы присягнули с уцмием в 1725 г. Через год при «помощи» уцмий присягают и акушинцы. Долгорукий писал, что уцмий поссорился с Сурхай-ханом (отношения которого с Россией были весьма сложные) и склонил в русское подданство «аварского усмея» (т.е. Умахана), чем доказал на деле свою лояльность (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 87). В документах того времени отмечается, что именно Ахмед-хан склонил аварского хана в 1727 г. к российскому подданству, что привело к изоляции Сурхай-хана. Российские власти считали это событие большим политическим успехом, отношения их к Ахмед-хану сразу стало благожелательным. Тогда же он был

принят в российское подданство (Русско-дагестанские отношения... 1988. С.56).

Таким образом, к началу 30-х гг. XVIII в. присягу на верность России приняло подавляющее большинство правителей и представителей местного населения Дагестана. В письме Долгорукого в Петербург говорится, что только Сурхай-хан остается враждебно настроенным к России и серьезных действий с его стороны можно не опасаться, поскольку без уцмий Сурхай не так опасен (Сотавов Н.А., 1991. С. 74). В своем донесении руководству в 1730 г. генерал А. Румянцев опасается, что малочисленное русское войско (около 7 тыс. на все пространство от Дербента до Сальян) не смогло бы сдерживать напор кочевников Мугани, но тут же выражает надежду, что с помощью «усмея и шамхальского сына «этих кызылбашей» можно разбить» (Магомедов Р.М., 1999. Ч. II. С. 105). Выходит, что в планах русской военной администрации уцмий Ахмед-хан и «шамхальский сын» выглядят как дополнительная сила. Приведенный материал показывает, что российские власти в Дагестане расценивали политическую роль кайтагского владетеля достаточно высоко.

Но такой поворот событий совсем не устраивал султанскую Турцию. В усилении пророссийской ориентации дагестанских владетелей турецкие власти усматривали угрозу делу реализации своих внешнеполитических замыслов в этом регионе. В этой обстановке турецкие власти активизировали свою политику на Кавказе. Не оправдавший их надежды Хаджи-Дауд был отстранен от управления в Ширване, на его место Султан Ахмед III решил привлечь Сурхай-хана Казикумухского, предложив ему шемахинский трон (Гербер И.-Г., 1958. С. 103).

Приняв Сурхай-хана в свое подданство, Турция возлагала на него большие надежды. Используя его, Порты стремилась вытеснить русские войска с Кавказа, занять прикаспийские области, а «Сурхаево владение (от верховьев Казикумухского Койсу до русской пограничной линии в Ширване) с Шемахою соединить и тем сильнее свою партию в той стране утвердить» (Сотавов Н.А., 2000. С. 75). Однако Сурхай-хан, хотя и встал на путь сотрудничества с Портой, проводил вполне самостоятельную политику. Став единовластным хозяином Шемахи, он стал вмешиваться в дела Кюринской провинции, отошедшей по договору с Турцией к России и ввел туда свои войска. Отряды А.В. Румянцева разбили его войска и обратили их в бегство. Сурхай-хан попытался подключить к конфликту дагестанских владетелей, предлагая им большие суммы денег, но безуспешно. Оставшийся без поддержки дагестанских владетелей, Сурхай-хан обратился в Стамбул с жалобой на действия русской властей.

В сложившейся ситуации среди владетелей Дагестана усилилось брожение. Особую активность проявлял уцмий Кайтага, который пытался перехватить инициативу у Сурхая и усилить свое политическое влияние в Дагестане. Находившийся в курсе дагестанских событий князь Еропкин в декабре 1731 г. доносил, что «горские (дагестанские. – Авт.) владельцы имеют между собою непрестанные съезды и чинят собрания и соглашаются с намерением иттить на Сурхайхана Шемахинского..., а на тех съездах больше себя сказывает перед всеми кайдацкой Усмий Ахметхан...» (Сотавов Н.А., 2000. С. 88).

Учитывая такое положение дел, российские власти попытались использовать создавшуюся ситуацию в своих интересах. Так, В.Я. Левашев склонил уцмий Ахмед-хана и сына шамхала Хасбулата объединить силы против каких-то «тавлинцев», которых он именует «злодеями» и «вредителями» общего добра. Вероятнее всего, он имел в виду Сурхай-хана и его подданных. Политические услуги и военная помощь уцмий ценились российским властями так высоко, что ради них можно было особенно не наказывать Ахмед-хана и его подданных за набеги на Табасаран и угон скота оттуда зимой 1732 г. (Сотавов Н.А., 2000. С. 88).

Тем временем политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе начинает кардинально меняться. Интересы противоборствовавших сторон переплетались все сильнее. Создавшаяся в регионе ситуация на тот момент благоприятствовала наступательным амбициям Стамбула: Иран находился в бедственном положении под афганской оккупацией, кавказская политика России была сведена на нет бесконечными дворцовыми переворотами.

Однако к этому времени положение в Иране стало резко меняться. Тяжелые последствия афганской и османской оккупации послужили причиной освободительной борьбы, развернувшейся в Иране, которую возглавил сын незнатного кочевника из племени афшаров Надир, проявивший себя как талантливый, но крайне жестокий полководец и политик, который стал фактическим правителем страны. Вскоре иранская армия под руководством Надира, нанеся крупные поражения афганцам, освободила от них свою страну (*Гаджиев В.Г.*, 1996. С. 68 – 69). Изгнание афганцев из Ирана подорвало позиции Турции не только здесь, но и на Кавказе. Вскоре Иран стал требовать от турок освободить захваченные ими иранские земли. Весной 1730 г. войска Надира очистили от османов Хамадан, Ардаган, Керманшах и Тебриз (*Сотавов Н.А.*, 2000. С. 79).

В связи с изменением соотношения сил на Востоке в пользу Ирана положение в Дагестане усугубилось. Став фактически правителем Ирана, Надир стал готовиться к продолжению войны с Турцией за возвращение отторгнутых иранских провинций. Узнав о намерениях Надира, султан отправил указ крымскому хану готовиться к войне. Это обращение нашло отклик: хан Каплан-Гирей, жаждавший случая напасть на Кабарду и Дагестан, с готовностью ответил, что «он нашел дорогу к посылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана» (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 85).

Предвидя нелегкую борьбу с Россией, правители Османской империи и Крыма пытались заручиться поддержкой северокавказских владетелей. Воззвания с предложением поддержать крымские войска получили уцмий Ахмед-хан, чеченский князь Патуд, сын Адиль-Гирея Хасбулат и др.

Тем временем начались военные действия. Российские войска атаковали крымцев на территории Чечни и на время приостановили их продвижение. Однако при помощи чеченского князя А. Бартиханова и уцмий Ахмед-хана крымские войска разбили небольшой отряд русских войск под командованием Краснощекова и достигли с. Тарки (*Потто В.*, 1899. С. 34). Здесь крымский хан обласкал примкнувших к нему сыновей уцмий Ахмед-хана и Сурхай-хана. Сам уцмий был пожалован титулом трехбунчужного паши (*Алкадары Г.Э.*, 1994. С. 75). Так уцмий Ахмед-хан снова оказался в лагере неприятелей России. Нарушив присягу России, он присягает крымскому хану (Письмо сына шамхала Хазбулата А. Гессен-Гамбургскому... Л. 252).

Далее крымское войско направилось к Дербенту. Недалеко от Дербента к нему присоединились зависимые от уцмий кайтагского старшины. Здесь у Дербента «возмущение Табасарана и уцмийских владений» заставило командовавшего в Дербенте генерал-майора Бутурлина снять со всех постов и укреплений гарнизоны и сосредоточиться уже для защиты самого города (*Зиссерман А.*, 1881. Т. I. С. 29). Русский гарнизон Дербента отразил натиск крымских войск и их основная масса остановилась на Теркемеевской равнине. Лишь небольшой отряд смог пройти в Ширван с помощью Сурхай-хана и присоединиться к турецким гарнизонам, находившимся там. Сурхай-хан, стараясь как-то дискредитировать заслуги уцмий, оказавшего военную помощь крымцам против русских, писал туркам, что уцмий обманым путем завел крымские войска в свое владение и поставил перед ними условие за свое участие в крымском

походе на Дербент – передать эту крепость ему (*Сотавов Н.А.*, 2000. С. 99).

Российское правительство, обеспокоенное таким поворотом событий, предприняло ряд мер для восстановления спокойствия на Кавказе после крымского нашествия. Против уцмий Ахмед-хана было направлено войско, которое разрушило его резиденцию – аул Башлы и множество близлежащих деревень его владения (*Потто В.*, 1899. С. 34).

Недовольный такими суровыми мерами русского командования, уцмий Ахмед-хан стал искать покровительства Турции. Однако Порты на тот момент от открытой протекции над уцмием воздержалась, хотя и отправила тайные указы хану Каплан-Гирею и Сурхаю собирать войска и взаимодействовать с уцмием и другими дагестанскими князьями (*Сотавов Н.А.*, 2000. С. 100). Однако реализовать эти планы Порте не удалось. В ноябре 1733 г. Надир нанес сокрушительное поражение 40-тысячной армии турок, что остудило пыл и притязания последних в отношении Дагестана.

Используя создавшуюся ситуацию, Россией предпринимались меры для упрочения своих позиций в Кавказском регионе. Через находившихся в Дагестане военачальников правительство дало знать уцмью Ахмед-хану и другим владельцам, причастным к походу Фетхи-Гирея на стороне крымцев, о возможности восстановления прежних взаимоотношений. Результаты не заставили себя долго ждать. Спустя некоторое время генерал Левашов, вновь назначенный главнокомандующим на Северном Кавказе, 25 января 1735 г. «...взял присягу от бунтующего усмия Ахмет-хана Кайтагского в принятии его со всем народом, по прежнему, в российское подданство и взял от него в аманаты в крепость Святой Крест» (*Бутков П.Г.*, 1869. Т. II. С. 128).

Таким образом, Кайтагское уцмийство в 20–30-х гг. XVIII в., как одно из сильных и влиятельных политических образований Дагестана, оказалось втянутым в сложные перипетии кавказской политики великих держав – России, Турции и Ирана. Оно вело сложную политическую игру с другими государственными образованиями за гегемонию в Дагестане, в то же время успешно проводя политику лавирования по отношению к трем мировым державам, направленную на сохранение своей независимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алкадари Г.-Э.*, 1994. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала.
- Бутков П.Г.*, 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб.
- Гаджиев В.Г.*, 1965. Роль России в истории Дагестана. М.
- Гаджиев В.Г.*, 1996. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1995. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. № 2. Ростов-на-Дону.
- Гербер И.-Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.
- Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. 1992. Махачкала.
- Джон Баделен.* Русское завоевание Кавказа. 1908 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462.
- Донесение чопан-шамхала через узденя Хан-Мурзу Сазарукина генерал-майору Г.С. Кропотову о намерениях лезгинского владельца Дауд-бека, казикумухского Сурхай-хана и кайтагского уцмийа напасть на крепость Святого Креста // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.
- Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.

- Зиссерман А.*, 1881. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. Ч. I. СПб.
- Из воспоминаний участника похода Петра I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.
- Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.
- Из допроса выходца из Грузии Ф.Георгиева о намерении лезгинского владельца Даудбека, казикумухского Сурхай-хана и уцмья Кайтагского напасть на царские войска в Дагестане // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Из писем кумыкских владетелей генерал-майору М.А. Матюшкину о верности их России // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. М.
- Касумов Р.М.*, 1999. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в. Автореферат дис. канд. ист. наук. Махачкала.
- Комаров В.*, 1874. Персидские войска 1722 – 1724 гг. // Русский вестник. № 4.
- Копии с допросов, вышедших из полону грузинца Осифа, армяна Ивана Христофорова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Магомедов М.Г.*, 1997. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. II. Махачкала.
- Маркова О.П.*, 1966. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.
- Письмо дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
- Письмо от княгини Ханумы к князю Барятинскому чрез сальянца Зурапа // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Письмо от дербентского наиба Имам-Кули-бека к тайному советнику А.П. Толстому с приложением письма Сурхая к наибу // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Письмо сына шамхала Хазбулата генерал-лейтенанту Гессен-Гамбургскому о позициях феодальных владетелей в связи с вторжением в Дагестан крымских войск // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.
- Письмо кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении войска уцмья на царскую крепость в Кайтаге // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Потто В.*, 1899. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. К столетию занятия Тифлиса русскими войсками 20-го ноября 1799. Тифлис.
- Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. 1958. Махачкала.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. 1988. М.
- Сотавов Н.А.*, 1991. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.
- Сотавов Н.А.*, 2000. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала.
- Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении Дауд-бека на Дербент и Баку и о принятых им мерах // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.
- Фадеев А.В.*, 1961. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.
- Экстрат из писем, полученных от генерал-майора Матюшкина из Астрахани от 7-го мая 1723 года, на которые он просит резолюции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.